

— Что делать? Действуй по обстоятельствам. Красная Фасолька — хорошая девочка, живая, умная, и она явно в тебя влюблена. Просто соглашайся.

— Нельзя, у меня к ней не такие чувства.

— Если у тебя к ней не такие чувства, то не обращай с ней как с девушкой. Но, с другой стороны, ты же хочешь её защитить, а теперь она влюблена в тебя, это хорошо, так она не попадёт в лапы какого-нибудь красивого, но ненадёжного парня. В её возрасте девочки легко поддаются на уловки таких мужчин.

А-Да посмотрел на Лаосаня:

— Как ты?

Подумав о том, что сам попал под влияние Лаосаня, А-Да почувствовал себя дураком, который даже хуже Красной Фасольки.

Лаосань всё ещё держал руку А-Да и, сжав её, мягко улыбнулся:

— Ты всё ещё злишься? Это моя вина, я должен был объяснить всё раньше.

Услышав его мягкие слова, А-Да успокоился, и Лаосань продолжил:

— Теперь ты знаешь моё положение. Обещание, данное в Пещере летучих мышей, не имеет силы. Может, ты передумаешь?

А-Да был в смятении. Ему не нужен был антарктический лёд, чтобы понять, что нужно держаться подальше от Лаосаня, но при виде того его сердце смягчалось. Он мог решительно отказать Красной Фасольке, но с Лаосанем не мог принять окончательного решения. Он не мог избавиться от мысли, что, возможно, в глубине души он тоже хочет помочь Лаосаню возродить тот угасающий кофейный бизнес?

Нет. Его отвращение к той кофейне распространялось от красивой матери Лаосаня до претенциозной обстановки. И мрачная квартира, и безлюдные улицы казались ему безжизненными. Всё там вызывало раздражение — кроме Лаосаня. Активный, игривый Лаосань, с живыми глазами, любящий поест, с кучей плохих идей в голове, он мог кровоточить, раздражать, смеяться и держать его за руку...

В конечном итоге, он просто не хотел отпускать Лаосаня.

Честно признавшись себе в этом, А-Да не почувствовал облегчения.

Они медленно шли вдоль берега, набережная не была переполнена, но и не пустовала. Пройдя некоторое расстояние, Лаосань с сожалением отпустил руку А-Да.

После их последней ссоры Лаосань, глядя на уходящего А-Да, почувствовал себя так, будто получил удар. Он вышел из кофейни и, глядя на знакомые улицы и людей, впервые почувствовал растерянность, не зная, куда идти.

Он не хотел возвращаться домой и, подумав, решил сначала вернуть А-Да, поэтому пошёл в отель и стал ждать. Теперь, когда А-Да был рядом, Лаосань чувствовал себя спокойно. Городские огни отражались на воде, мерцая с каждым маленьким волнением, и в сердце Лаосаня загорались крошечные огоньки, которые распространяли тепло по всему его телу.

А-Да, глядя на мягкие глаза Лаосаня, не удержался и коснулся его виска:

— Ещё болит?

Лаосань преувеличенно поморщился:

— Очень.

Но в его глазах была только улыбка.

А-Да почувствовал, как сердце дрогнуло. Улыбка Лаосаня коснулась самого чувствительного места, вызывая слабость и боль. Сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз чувствовал это? Но раньше каждое такое чувство приносило радость и азарт охоты, а сейчас он мог только закрыться, как мимоза, боясь исследовать источник своих эмоций.

Он отвернулся, глядя на тёмное, но яркое море. Нет, это было неправильно! Он не мог понять эти чувства, поэтому стал настороженно относиться к Лаосаню — и к самому себе.

А-Да решительно отрезал все мысли, вернувшись к реальности.

Ему нужны были деньги, больше, чем когда-либо. Он должен был как можно скорее отправить Красную Фасольку за границу. Там, получив новые впечатления и познакомившись с новыми людьми, её чувства к нему постепенно угаснут.

Ему также нужно было найти способ купить тот участок леса. Он узнавал цены, и даже в свои лучшие времена, когда он был главным шеф-поваром в Сингапуре, с машиной, домом и обширными связями, он не мог позволить себе такую сумму. Но он не собирался сидеть сложа руки. Он собирал деньги понемногу, но был полон решимости защитить свою территорию.

Корень всех проблем был в деньгах. Поэтому он сказал Лаосаню:

— Я могу тебе помочь, но при условии, что ты сначала заплатишь мне. Подпишем контракт, и ты дашь мне 50 % гонорара, только тогда мы продолжим обсуждать детали.

Лаосань нахмурился:

— Без денег ты ничего не сделаешь?

— Да.

— Я заплачу тебе, но...

— Не ищи отговорок. У тебя ведь есть деньги, правда? Ты же третий сын семьи Су. Или твой отец тебя не поддерживает, и ты просто притворяешься богатым?

Эти слова были слишком резкими и ранили Лаосаня.

Он холодно сказал:

— Мой отец не поддерживает меня, но я найду деньги. Дай мне время, я заплачу тебе.

А-Да не мог ему поверить:

— Нужно быть реалистом. Если у тебя нет средств, не строй такие грандиозные планы.

Лаосань с презрением ответил:

— Ты говоришь, что я не реалист? А ты?

А-Да не нашёлся, что ответить. По сравнению с планами Лаосаня открыть семь кофейных филиалов, его желание сохранить лес казалось ещё более нереалистичным.

Они смотрели друг на друга и одновременно вздохнули.

Лаосань сказал:

— Масштаб должен быть таким, иначе денег не хватит.

— Зачем тебе столько денег?

— Я хочу... — Лаосань замолчал, а затем беззаботно ответил:

— Чтобы жить в своё удовольствие. Мой отец может умереть в любой момент, у него плохие отношения с матерью. Хотя он до сих пор содержит нас, платит за мою учёбу, он не оставит мне ничего из своего состояния. Когда он умрёт, мы окажемся в руках моих братьев, и они могут нас либо терпеть, либо издеваться. Пока мой отец жив, я хочу заняться бизнесом, чтобы получить хоть что-то, хотя бы... хотя бы закрепиться в семье Су.

— Эй, ты здоровый парень, с высшим образованием, разве ты не можешь содержать свою мать?

— А-Да считал, что Лаосань слишком несамостоятелен. У него были все возможности, он свободно говорил на китайском, английском и французском, мог легко устроиться на работу в бизнес-центре. Зачем ему гнаться за наследством отца? — Лучше найти работу, чем зависеть от отца или братьев.

Лаосань смотрел на А-Да, как на сумасшедшего:

— Ты предлагаешь мне сидеть в офисе по восемь часов, обедать сэндвичами и зарабатывать копейки? Моя зарплата не покроет даже плату за парковку, бензин и уход за мамиными сумками!

А-Да не удержался и стал читать нотацию:

— Если не хватает, работай больше. Многие люди трудятся по 15-16 часов в день, чтобы просто выжить, и они справляются!

— Они — это они, а я — это я, — Лаосань с презрением ответил. — Ты не знаешь, как мы живём. Попробуй, и ты поймёшь, что невозможно вернуться к жизни в развалюхе, работая, готовя, стирая и убирая, без гроша за душой.

— Почему нет? Ты же жил со мной в лесу, и всё было хорошо.

Лаосань задумался, вспоминая дни, проведённые в лесу. Это было тяжело, но он чувствовал себя счастливее, чем за многие годы. Однако он покачал головой:

— Это потому, что я знал, что могу вернуться. Жить в лесу всю жизнь я бы не смог.

Эти слова ударили А-Да, как молот! Лаосань не любил жизнь в лесу и не привязывался к его владениям. А-Да считал Лаосаня своим спутником, но это было лишь его иллюзией? В конечном итоге Лаосань оставался в лесу только для того, чтобы выманить его и получить

деньги для своей роскошной жизни, его машин, яхт и бесчисленных туфель его матери!

А-Да никогда ещё не чувствовал себя таким дураком. Он был глубоко ранен и, махнув рукой, сказал:

— Я не хочу этим заниматься. Даже за деньги. Найди другого повара!

Лаосань быстро ответил:

— Мы можем обсудить условия, если ты хочешь получить оплату заранее...

Но А-Да уже уходил, не желая больше ничего слышать.

<http://bllate.org/book/16329/1474013>